

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.7:316.014

Л.Ю. Логунова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД: СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ МИКРОАНАЛИЗА

В периоды кризисов методологии актуальна комбинация методически сильных сторон конкурирующих парадигм с помощью междисциплинарных конструкций гибридного характера. На основе социокультурного подхода автор исследует методологические возможности социокультурного анализа в проекции понимания смысловых характеристик «социокультуры». В статье предлагаются примеры понимания равноуровневости объекта: механизмы жизненных сценариев, методика анализа «идеальных типов» и социокода (микросмыслы и макрозначения).

Ключевые слова: социокультурный подход; социокультурный анализ; микроанализ; социокод; жизненные сценарии.

Современное противостояние представителей «количественной» и «качественной» парадигм характеризует ситуацию методологического кризиса в социологии и одновременно определяет векторы развития науки. Кризис традиционной научной парадигмы порождает критику, в результате которой идет обновление методологических конструкций классических теорий, формируется пространство для оформления неклассической парадигмы. В этом процессе проявляется жизнеспособность науки.

Корректным представляется взгляд на конфликтующие методологические позиции не в смысле антагонизма и выявления уязвимых аспектов, но как на взаимодополнение, свойственное любым дихотомиям. В социологии накоплен опыт подобного рода моделей интегративных исследовательских стратегий (А. Бартон, П. Лазарфельд), тактики комбинирования методов, способных компенсировать слабые стороны концепций и усиливать методические возможности (В.А. Ядов, А.С. Готлиб, О.М. Маслова). Складывается «деятельностно-активистское» направление (Э. Гидденс, П. Бурдьё, П. Штомпка), в русле которого постулируется попытка совместить макро- и микроподход в анализе социальной реальности. Формируется альтернативная парадигма, которая отработывает «мягкие» принципы изучения фактов с акцентом на субъективность в категориях микроанализа (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель, И. Гофман).

При отсутствии явного доминирования признанных теоретических подходов появляется возможность интенсивного развития методологии, позволяющей исследовать жизнь людей, наполненную противоречиями. С одной стороны, реальность основана на пространственной телесности, с другой – в ней актуализируются темы «трансцендентального», основанные на трудно измеряемых, но объективно протекающих уникальных процессах. Это становится онтологической основой для развития исследовательских стратегий микроанализа, где упор делается на методики этнографических исследований, восстановление историй жизни, описательные технологии, социальные тексты, нарративы.

Качественная методология, предоставляющая такой методический арсенал, становится основой для

построения структур микроанализа. Это альтернативная методология изучения смыслов действующего субъекта. «Специфика качественной социологии связана, прежде всего, с выявлением повторяющихся форм человеческих взаимодействий, их понимания и субъективно полагаемого смысла» [1]. Развитие качественной методологии предоставляет возможность комбинирования инструментария для исследований обыденного сознания, повседневной жизни, неинституционализированных практик и процессов, в которых бытие человека приобретает новые социальные и духовные перспективы.

Когда речь идет не о сложности и степени масштабности объекта исследования, а о подходе к исследованию проблем выбранного социологом объекта, деление на макро- и микросоциологию приобретает условный характер. Поскольку «объективность» миропонимания ставится представителями микросоциологической парадигмы под сомнение, поэтому задача социологии определяется ими как исследование «микротношений», которые для социологов объективистской школы невидимы и неочевидны. Теоретическим обоснованием такого взгляда на объект стало учение диалектического гиперэмпиризма Ж. Гурвича («Современное призвание социологии», 1950, «Социальный детерминизм и человеческая свобода», 1955), которое получило название «микросоциология». В методологическом плане это означало, что объектом исследований становится личность с онтологическими характеристиками – постоянно обновляющимся и разнообразным опытом, требующим понимания и интерпретаций человеческих чувств, эмоций и действий.

Такое осмысление объекта предполагает использование комплекса специфических исследовательских методик и техник с целью изучения смысловых (неочевидных) характеристик объекта, в то время как макросоциология в большей степени интересуется физическими (очевидными) его характеристиками.

Если признать, что система личности, как и любая другая система, переживая потрясения и стрессы, начинает усложняться, то следует признать изменчивость ее элементов (среди них – смыслы, предпочтения, эмоциональная сфера, социокультурные характе-

ристики и т.п.). Усложнение и изменчивость обеспечивают адаптивность, живучесть системы. Если жизнь человека – сложная система, то корректно ли подходить к ее изучению исключительно с позиций очевидности, которые покоятся на каркасе традиционализма и натуралистичной объективности? Пожалуй, в этом и заключается конфликт формирующихся ценностей постмодерна с традиционными взглядами науки на жизнь и научный метод.

Поэтому объектом микросоциологии принято считать социокультурное поле, которое охватывает своим притяжением социальное пространство, процессы и события, зафиксированные социальным временем, смыслы этих процессов, наполняющие общественное сознание, поведение акторов, обусловленное этими смыслами, как фактами символики и культурной оснащенности типов социальности (Т. Парсонс), – все то, что определяет социокультурный процесс. Микросоциологию интересуют инструментальные характеристики взаимодействий, которые она исследует и интерпретирует с точки зрения понимания смыслов, основанных на жизненном опыте человека в структуре повседневности.

Принцип «понимания» является фундаментальным, он определяет отношение к объекту как к носителю символики опыта. Расшифровка (интерпретация) этой символики становится центральной зоной социологического анализа. Это определяет точки соприкосновения предметных областей микросоциологии и смежных дисциплин: культурология (культурные процессы, вопросы воздействия социальности на культуру, функционирование культуры как всепроникающей во все сферы человеческой жизни системы символов и знаний), философия (смысложизненные процессы, механизмы социального наследования), социальная психология (мотивация и поведенческие установки, функционирование стереотипов), герменевтика (проблемы понимания смыслов), история (отражение исторических событий в сознании людей). Особенностью является многоуровневость объекта микросоциологии. Его границы могут расширяться, закрепляя специфическое оснащение исследовательских методик, с личностного уровня (социология случая) до группового (психодрама, восстановление историй семьи), а также выходить на большие общности [2. С. 69–75].

Нетрудно заметить границу пересечения сфер интересов конкурирующих парадигм: пространство культуры, коллективное сознание, природа ценностей, структура массового поведения и т.п. На этой «сумеречной», лишенной методической однозначности территории у представителей и качественной, и количественной парадигм возникают трудности с измерением духовных процессов, ментальных структур смыслового содержания ситуации, оценок роли личности в этих процессах. Это ставит ряд вопросов методологического плана. Как соотносить качественную сущность духовного опыта и ее количественные характеристики? Какие индикаторы необходимы для измерения типичного и уникального в смысложизненных процессах? Возможен ли методологический баланс в исследованиях человеческой и надчелове-

ческой (духовной) реальности? Какие исследовательские подходы располагают возможностями сформировать комплекс методов теоретического анализа?

Логика развития современной методологии дрейфует в сторону оформления тенденции интегративного понимания социальных процессов и явлений, когда основным методологическим приемом становится сочетание микро- и макроуровней анализа, преодолевающих конфликты объективистской и интерпретативной парадигм. Так, исследуются проблемы сочленения социальных структур и индивидуального действия в форме структуриации (Э. Гидденс), формулируются идеи об интеграции теории действия и теории социальных систем (Ю. Хабермас), оформляется концепция о микроосновании социальных явлений макроуровня (Р. Коллинз), разрабатывается теория об интегративном подходе к социальному действию и поведению систем (Дж. Коулмен) [3].

Т. Парсонс раскритиковал интерпретативные теории. Но теории макроанализа, провозгласившие детерминизм политико-экономических отношений, он также не принял. Социолог осмыслил возможности объединения достижений социальных наук. Для исследований социокультурных процессов он предложил интегративные социологические принципы, которые разработал, опираясь на работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето, З. Фрейда, А. Маршалла, а также на интегральные идеи П. Сорокина. В рамках объективистской парадигмы, рассматривающей системы институционализированных социальных отношений, Т. Парсонс рассматривал «интегративные состояния» социальных систем разных уровней (малые группы, локальные сообщества, системы обществ). Основную теоретическую проблему социологии он понимал как проблему интеграции в социальных системах, от которой зависят стабильность, социальный порядок, характер социальных изменений. Это определило формирование группы интегративных методов теоретического анализа. В развитии методологических оснований микросоциологии особую актуальность приобретает социокультурный подход.

Социокультурный подход в микросоциологии отличается методологической широтой, основан на принципах активности субъекта в социокультурной среде, эволюционного характера социальных изменений, историзма; учитываются модальность, закономерность действия социокультурных законов, имеющих вектор развития независимо от воли субъектов (А. Тойнби, О. Шпенглер, П.А. Сорокин, А.С. Ахиезер). Акцент делается на интеграции социального и культурного в структурах бытия человека и на ценностной основе понимания всего социокультурного процесса. В поле зрения исследователя попадают все сферы жизни, сочетая макро- и микроуровни отношений человека и структур общества, особенности функционирования социальности в пространстве культуры. Основной тип изменений, исследуемых в социокультурном подходе, – циклические.

Интегративность – одна из методологических характеристик социокультурного подхода. Выбирается

ключевой процесс (явление, феномен), с изменением которого меняется социокультурное поле, включающее все сферы жизни людей. «Интегралом», ядром социокультурной жизни могут быть ценности (П.А. Сорокин [4], А.С. Ахиезер [5]), «целостные социальные феномены» (М. Мосс [6. С. 85–111], Ж. Гурвич [7]), повседневные убеждения, «идеальная культура» как целостный образ жизни (Р. Уильямс, Культура, 1981 г.), идеология [8. С. 315] (Л. Альтюссер, 1971 г.), игра как всепроникающий феномен (Й. Хейзинга [9]), коллективная память (М. Хальбвакс [10]). Эти понятия определяются как «интегративные» явления социальной жизни и исследуются одновременно на всех «глубинных уровнях», на всех процессуальных стадиях развития, в «их родовых видах, типах и разнообразных взаимосвязях» (П.А. Сорокин [11. С. 173]). Постулируется, что это есть объективные явления социальной реальности с характеристиками проникаемости во все сферы, на все глубины и уровни жизни людей. Такие феномены отражают, как капля воды океан, всю совокупность социокультурных связей и отношений, приводят и катализируют эти отношения в действие.

Социокультура, по мнению П.А. Сорокина, включает человека (группу) и его взаимодействия, наполненные смыслами, ценностно-нормативным содержанием, механизмы объективации поведения людей. Социолог объяснил механизмы влияния прошлого, частных обстоятельств на «историческое творчество людей», доказал, что ритмы культурных изменений зависят от сознательной или бессознательной деятельности индивидов, взаимодействующих друг с другом или определяющих условия поведения друг друга. П.А. Сорокин отрицает действие признанных естественноисторических закономерностей, определяя культуру, как «тотальной сумме всего, что создано или модифицируется» в процессе человеческой деятельности, ведущее место в структуре социальных изменений. Он очерчивает границы понятия «культура», противопоставляя «науки о духе» и «науки о культуре» натуралистичности «наук о природе», обращает внимание на актуальность метода интроспекции; выдвигает в центр изучения культурных процессов проблему ценностей.

Социокультурный анализ является основным методом социокультурного подхода. Название «социокультурный анализ» было предложено Л.Г. Иониным. Это «направление теоретического исследования, применяющее методологию и аналитический аппарат культурной антропологии, социологии и философии культуры и ставящее своей целью обнаружение и анализ закономерностей социокультурных изменений» [12]. Это синтез методов, используемых в различных подходах с дополнением социологического воображения исследователя.

Такой конгломерат может быть представлен следующими методами: социоанализ (институциональный и позиционный методы анализа), культурный анализ (антропологические методы, исторический и функциональный анализ), качественные методы, экзистенциальный анализ, событийный анализ, рефлексивный

анализ. Данные методы, в свою очередь, тоже предполагают интегративность и структурированность по методологическим уровням (общетеоретический, социально-научный, эмпирический). Л.Г. Ионин и Ю.М. Резник допускают комбинирование антропологических, как основообразующих, методов анализа культуры с методами социокультурного анализа для усиления познавательных возможностей науки. «Комбинация исторического, сравнительного и эволюционистского подходов создает основание для образования сравнительно-исторического метода, а объединение эволюционистского и функционалистского методов служит предпосылкой функционально-динамического подхода» [13. С. 319].

В основе метода социокультурного анализа – исследование точек социокультурной напряженности: поиск социокультурных противоречий между сложившимися культурными программами и новыми социальными отношениями, определение механизмов преодоления этих противоречий или удержания их в определенных нормативно заданных ситуационных границах (традиции, политические решения) в конкретных социально-исторических условиях. Так, А.С. Ахиезер раскрывает логику исторического опыта России как историю социокультурного «раскола», через конфликты векторов социального развития – модерации (новые представления о пользе, управление, внедрение инноваций) и инверсии (традиционные представления о морали, моделях социальной жизни) [5]. Исследование основано на ключевых категориях: ценности, нравственность, национальное самосознание, социальные мифы, инверсионные циклы.

Один из основателей современной английской социологии культуры Р. Уильямс рассматривает культуру как целостный образ жизни (general life), который оформлен в продуктах интеллектуальной и творческой деятельности, как основа воспроизводства социального порядка [15. С. 11–13]. Эта позиция позволяет анализировать культурные практики как выражение и одновременно конституирование смыслов социокультурного опыта. Узловой момент исследований – классическое понимание социокультурных конфликтов, наполненных определенностью и сомнениями, инновациями, реальными переменами между идеальной культурой и ее современным воплощением. Такие конфликты встроены в «динамические реально существующие состояния и действия, в рамках которых существуют... непрерывность и постоянная детерминация» [16. С. 29].

Авторы современных социокультурных исследований стараются проследить типическое, фундаментальное, традиционное в каждом типе культуры, и вместе с тем не упускают из вида череду случайностей, мимолётность, интуитивную непосредственность социокультурного опыта. Метафоричность исследования – особенный стиль социокультурного анализа; нравственная сверхидея – духовная и гуманистическая позиция исследователей. Сегодня идет развитие исследовательского языка культурного анализа (А.С. Ахиезер [17], Р. Уильямс [18]), оформляет-

ся новый жанр – культурные исследования (culture studies).

Близок к такому пониманию социокультурных процессов Й. Хейзинга. Голландский культуролог исследует феномен игры, ее творческую культуросотворяющую функцию, объясняет ее универсальность. В игре человек создал социальные институты права, торгового и ратного дела, оформил представления о красоте, определил виды искусства, сформулировал постулаты философии. «В мифе и культе зачинаются... великие движущие силы культурной жизни: право и порядок, общение и предпринимательство, ремесло и искусство, поэзия, ученость, наука. И все они, таким образом, уходят корнями в ту же почву игровых действий» [16. С. 23].

Игровое содержание наполнило смыслами разные эпохи (ренессанс, барокко, рококо, романтизм), социокультурные поведенческие сценарии (например, сексуальные). С помощью категории «игра» можно изучать смысловое прошлое разных культур как образ, который соответствует представлениям о себе и о «чужих» у представителей конкретной культуры. Применяя данную категорию, можно понять демократический, солидаризирующий и социально дифференцирующий смыслы истории народов.

Итак, игра универсальна для всех (биологические основания, правила, баланс шуточного и серьезного, состязательность, демократичные принципы для участия в культах и т.п.), но социальные позиции игроков (представители субкультур, элит) будут влиять на смыслы исторических событий, формируя «разный образ истории». Комментируя эту мысль ученого, можно предположить, что современность – это поле псевдоигры (Й. Хейзинга определил это через понятие «пуэлинизм», как особую технику современного духовного общения [16. С. 194]), где расформированные по социальным и субкультурным структурам «игроки» будут состязаться за право навязать побежденным свой образ прошлого. Это определяет методологическое требование к позиции исследователя, некий этический императив, на который указывал Й. Хейзинга, – следование истине, сбор достаточного эмпирического материала, в котором отражены смыслы всех участников «игры».

Традиционно в мировой научной литературе демонстрируется взгляд на роль культуры как на второстепенную по отношению к роли институтов экономики, политики, производства. Однако с этих позиций трудно рассмотреть экономические кризисы и осмыслить проблему преодоления кризисов. Упускается из вида системный и основополагающий для общества характер культуры, которая есть не следствие появления экономики и производства, но фундаментальная возможность, необходимость и логика их появления благодаря факту рождения культуры как условия существования человека (суть данного факта – появление правил, норм, ценностей, регламентов, образцов поведения). Отсюда существование экономических кризисов понимается как нечто локальное: с ними может справиться умная экономическая политика; понять сущность таких кризисов можно в рамках эко-

номической науки. Такое понимание не отменяет цикличность кризисных процессов, которые не может остановить даже очень мудрая спланированная экономическая политика. Суть проблемы – ментальная напряженность общества из-за смены ценностей на глобальном, а не только на локальных уровнях. Если такое напряжение существует, оно обязательно «выстрелит» сбоем в экономической системе, техногенными катастрофами, политическими кризисами. Нужно лишь локальное эмоционально заряженное событие (например, межэтнические разборки, спор за территорию) и пружина кризисной событийности раскручивается, остановить эту силу невозможно. Далее включается сценарий, описанный в грустной шутке: «удавшийся погром – это революция, неудавшаяся революция – это погром».

Политические лидеры пытаются решить экономические и социальные проблемы техническими средствами: делают заявления, принимают законы, формируют партии. Лицемерие «шампанского социализма» определяет лицемерие внутренней политики, цель которой – не проиграть предстоящие выборы. Это, в свою очередь, детерминирует популистскую повестку дня, обсуждение нездоровых идей политических фриков (пуэлинизм в действии!), подмену традиционных ценностей ценностями социального консерватизма вместо серьезного осмысления социокультурных проблем. В русле этого обсуждения адекватным представляется разговор политиков с народом о том, как встретить проблемы и трудные реалии грядущего дня, а не как их избежать, суетливо переключая внимание населения на несуществующие проблемы. В ситуации, когда политики не могут жестко реагировать на трагическую событийность (например, бойня на острове Утойя в Норвегии или расстрел журналистов Charlie Hebdo), включается сценарий поправения рефлексирующих события масс. Разочаровавшись в политиках центра и левого толка, население готово признать, что правые – единственная политическая сила в Европе, которая еще не имела возможности доказать свою несостоятельность.

Сценарии жизни людей и народов – это уравнение с несколькими таинственными известными: время, циклические изменения, процессуальность, социальная память. Их действие модально, латентно, циклично. Разорвать круг циклической событийности невозможно, осознать механизм и причины ее действия – трудно. Для таких осознаний нужно состояние покоя, ощущение уверенности, защищенности.

Состояние покоя – это состояние равновесия, плавное движение по орбите. Это заметили космонавты: предметы в состоянии покоя начинают кружить в невесомости. Покой человека – это стабилизация жизненных процессов, здоровье, достаток; покой нации – это гарантии социальной защищенности, пролеченные исторические травмы, здоровая социальная память, уверенная внешняя и гуманная внутренняя политика. Только в таком состоянии можно ждать точки начала нового цикла событийности. Такая точка опоры становится особенно актуальной в периоды кризисов, завершающих очередной социо-

культурный цикл. Политические и экономические кризисы – это структуры высокого социального уровня. Но социокультура не исчерпывается сферами политики, ее интегрирующее ядро – не экономика, а ценности. Корректным представляется более широкое видение экономических и политических кризисов как составляющей общего глубинного кризиса – социокультурного, который поражает, по мнению П.А. Сорокина, все сферы жизни общества. Выход из кризиса социолог видит в смене ценностей и появлении новой суперсистемы, в которой культура определяет новые экономические, политические, технологические конструкции.

Новый цикл приведет к утверждению новых ценностей, к стабилизации общественных и экономических процессов, если субъект будет ориентирован не на то, что обещает «приятное» в духе «шампанского социализма», но на то, что избавит от неприятностей. Циклы неудач и трагической событийности связаны с эгоистическими человеческими желаниями в погоне за приятным. Поэтому суетливость, неумение опираться на традиционные ценности, идеологически корыстные манипуляции с социальной памятью, нежелание принимать и предлагать ценности будущего обрывают цикл очередной трагедией и выводят субъекта на неудачу.

Конечно, мероприятия по «спасению еврозоны» могут принести некоторый успех, но следующие за экономическими политические кризисы, связанные с вооруженными конфликтами, осложнениями межгосударственных отношений, могут уничтожить эффект от экономических мер. Все эти меры выглядят половинчато и лишены масштабности, потому что генеральная мера – это выработка новых ценностей как основы функционирования социальных институтов для формирования новых моделей поведения.

Попытка перевода проблемы в сферы нравственности также неоднозначна. Это не сможет защитить от общепланетарных процессов формирования новых ценностей. Воинственное отстаивание ценностей социального консерватизма, подмена ими вечных ценностей ведет к социокультурной изоляции, смягчает, но не устраняет социальное напряжение, оттягивает, но не избавляет от социального взрыва.

Основу социокультурной процессуальности составляет категория времени. Независимо от завершенности и прерывности циклов, когда останавливается сама история, время остановиться не может. И началось оно не с «большого взрыва». Оно началось с возникновения культуры. И в этом смысле оно есть элемент, составляющий процесс развития культуры. Но время умеет ждать, если субъект поступает мудро: не начинает упрямо крутить колесо трагического цикла, а выбирает другой цикл, связанный с другой сферой социокультурного пространства. Н. Бор и М. Планк, исследуя природу мира, открыли, что он состоит из перекрывающих друг друга возможностей. Значит, необходимо принять законы этого мира, выбрать новые возможности, не мешать миру реализовывать свои законы и предоставлять возможности. Тогда мы приближаемся к пониманию смысла жизнен-

ных сценариев: это не только клетка событийности (как правило, неприятной), это еще и развитие. Смысл в том, чтобы использовать свойства времени и возможности мира и переключиться с циклов, сужающих инвариантность решений, с бесполезных ожиданий улучшения ситуации в период кризиса, на создание новых сценариев, социальных инноваций.

Можно создавать новые ячейки удачливых событий, как пчелы создают соты, заполняют их медом для того, чтобы питаться зимой. В личном плане, если у человека проблемы с противоположным полом, можно начать реализовывать свои способности в общественной жизни, в воспитании детей, в создании продуктов культуры. Не оплакивать свои несчастья, но создавать новые территории для счастья. В масштабах общности – отказаться от расковыривания язв старых исторических и социокультурных травм, не потрясать прошлыми заслугами и победами, но сосредоточиться на создании будущего – заботе о подрастающем поколении, создании современной системы образования, создании гуманитарно-экологических проектов и т.п. Адекватным представляется опора в поведении людей на традиционные ценности, возвращение к смыслам сакральных социокодов социальной памяти, которые помогали выстоять поколениям людей – свидетелей гибели цивилизаций.

Болгарский социолог А. Райчев однажды в беседе предложил проанализировать современную социокультурную ситуацию в терминах древних архетипов «шамана», «воина», «пророка». Это идеальные типы мобилизаторов, принимающих на себя ответственность в кризисных ситуациях. Их можно представить в виде смыслов социокодов, которые в каждой социальной общности уникальны.

Архетип отличается от социокода наличием элементов коллективного бессознательного. Социокод – обычно коллективно осознан общностью и закреплен в нарративах. Архетип – некий образ бессознательного, свойственный той или иной культуре. Социокод связан с событиями (реальными или мифическими), личностями, оказавшими влияние на духовное формирование общности. Это влияние незримо проявляется в жизни общности в рефлексиях и в повседневных практиках ее членов. Социокод – элемент, интегрирующий духовную жизнь общности, объясняющий коллективные решения и поведения ее членов.

В фундаменте функционирования социокода заложен некий событийный и персонифицированный источник, наполненный энергетическим и сакральным смыслом. С ним связано первособытие, обладающее характеристикой конвенционности. Члены общности соглашаются, что это событие связано с первым упоминанием об общности и содержит доказательство ее уникальности; фиксируется в этногенетических преданиях и повествует о победе предков над более сильным врагом (впоследствии этот враг продолжает оставаться в сознании общности или замещается другим врагом, более подходящим к политическим и историческим реалиям жизни общности);

хранит имена носителей первоидеи, замешанной, как правило, «на крови» (военные ситуации, жертвоприношения, самопожертвование).

Воин олицетворяет энергию, разрешение конфликтов силовыми методами. Это социокод старшего брата, защитник слабых и обиженных, появляющийся в произведениях эпоса в образах русских богатырей, греческих полубогов, европейских рыцарей с нечеловеческими способностями. Социокод воина воплощает, например, Людовик Святой – король-крестоносец, образцовый христианский рыцарь. Несмотря на поражение в крестовых походах, французы его встретили как триумфатора, после смерти канонизировали и стали считать одним из «трех великих Капетингов». Людовик Святой стал символом духовных традиций французской монархии, образцом «христианнейшего короля». Его успех объясняется воплощением в личности короля социокода воина, наложением смысла социокода на социальные ожидания общности от конкретного человека, которые он рискнул осуществить. Функция воина рутинная: организовать и возглавить, что и удалось французскому королю.

Воины эффективны там, где нужна защита, решимость, политическая воля. От них не ждут результатов. Их ставят на знамена, когда общности необходимо сплотиться вокруг сильного человека ради организации решения задачи, но не собственно ее решения. В современном мире воины – это политики, государственные деятели, которые успешно справляются с текущими политическими и экономическими задачами, но не способны мыслить глубоко и сакрально. Они инициативны и энергичны, но в ситуациях кризисов недееспособны: латают дыры в экономике, ситуативно или в ручном режиме принимают управленческие решения, но не способны понять глубинные уровни социальных процессов и противоречий, которые есть причина, а не побочный эффект от политики.

Пророк – архетип носителя первоидеи. Это тот, кто видит глубинные уровни, способен сакрально мыслить, но в вопросах политических стратегий некомпетентен. Его духовная мощь бессильна перед солдатами и чиновниками. Но его сила выше, чем сила воина. Он всегда жертва, «глас вопиющего в пустыне». Его признают *postmortem*. Это социокод мудрого деда. Олицетворением социокода пророка стали Будда, Христос, Сократ, Марк Аврелий, Франциск Ассизский. Функция пророка – осмысление духовной ситуации. Но пророков, как правило, не слышат современники, подавленные грузом антикризисных задач и практик. Пророки опережают время, их идеи фундаментальны и рождены для новых времен, когда они будут определять логику развития событийности в будущем. Их имена будут ориентирами, форпостами ценностных систем. Они способны объяснить будущее, но не настоящее. Поэтому в настоящем пророки не востребованы: люди ждут и готовы понимать только конкретные рецепты для решения сиюминутных задач.

Архетип шамана наполнен сакральным содержанием. Шаман охраняет границу мира реальности от потустороннего, непонятного. Функция шамана – конвенционная. Он дипломат не только среди живых, но способен договориться с теми, кто населяет миры сверхъестественного. Поэтому шамана наделяют способностями понимания и объяснения реальности: он один способен не потерять здравый смысл в ситуации угрозы и приближающейся катастрофы. Шаман – подвижник, пропагандист-деятель. Это социокод доброго благословляющего отца, которого олицетворяют Моисей, Сергей Радонежский, Климент Охридский, Фома Аквинский. Там, где суетливы и малорезультативны действия воинов, где не пришло время для новых идей пророков, успешно функционируют шаманы.

Возвращаясь к беседе с А. Райчевым, отметим его интересный взгляд на современную социокультурную ситуацию, которую политики и экономисты (воины) пытаются решить методами демонстрации силы и перераспределением финансовых потоков, мало задумываясь о мощных возможностях дипломатов, деятелей культуры и духовной сферы. В этих действиях есть ситуативность, целесообразность. Но невозможно ложкой вычерпать море. Воины бессильны, когда требуется переосмысление ценностей, конфликтующих с современными реалиями. Для пророков еще не наступило время. Востребованность шаманов очевидна. Болгарский социолог увидел в личности и действиях папы Франциска символ современного шамана, способного на высшем духовном уровне возглавить усилия дипломатов, философов, деятелей культуры на основе единства христианских ценностей по стабилизации свингующей событийности, выходящей из-под контроля канцлеров и президентов.

«Идеальные типы» – оригинальный методологический инструмент изучения общества. Однако это не очевидные структуры реальности, но конструкт, продукт мышления ученого, моделирующего реальность. Поэтому оформление идеальных типов может быть скомбинировано с другими методами познания реальности, например с применением метода анализа социокода. Такая комбинация позволит мыслительным конструктам наполниться ценностным смыслом, может дать ориентиры в выстраивании логики социокультурного анализа кризисной ситуации, опустить «микрозонд» в глубинные смысловые культурные слои общности и структуры судьбы отдельного человека.

Социокультурный подход может служить основанием для теоретических конструкций микроанализа. При сохранении эпохальности и масштабности предмета исследования «микрозонды» специфических методик и техник опускаются в пласты социокультурного поля, наполняя эмпирическую базу уникальными и значимыми для человека смыслами. Микросоциология опирается на традиции социокультурных исследовательских проектов, используя техники микроанализа для интерпретаций, совмещающих уникальное и типическое в жизни объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. URL: <http://win.www.nir.ru/socio/scipubl/sj/34-shanin.htm>
2. Логанова Л.Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 69–75.
3. Омельченко С.Н. Интегральный принцип анализа социальных явлений: философский аспект : дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2003. 160 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/integralnyi-printsip-analiza-sotsialnykh-yavlenii-filosofskii-aspekt#ixzz2N9M3tyHG>
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 1176 с.
5. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: 2-е изд. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.
6. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / Общества. Обмен. Личность. М. : Восточная литература. РАН, 1996. С. 85–111.
7. Gurvitch G. La vocation actuelle de la sociologie. Paris : P.U.F., 1950. 607 p.
8. Блэквелловский путеводитель по социальной теории / под ред. Б. С. Тернера; пер. с англ. А.Ю. Рыкуна. Томск : ТГУ, 2003. 416 с.
9. Хейзинга Й. Homo Ludens. СПб. : Азбука-Классика, 2007. 346 с.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Новое изд-во, 2007. 348 с.
11. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. ; под ред. А.Ю. Согомолова. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
12. Ионин Л.Г. Социология культуры. М. : ЛОГОС, 1996. 280 с.
13. Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, вып. 1 (2). С. 306–328.
14. Williams R. The Long Revolution. London: Chatto and Windus, 1961. 379 p.
15. Williams R. Culture, Fontana New Sociology Series, Glasgow : Collins, 1981. 248 p.
16. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. Т. 2. Теория и методология. Словарь. 600 с.
17. Williams R. Keywords. New York : Oxford University Press, 1984. Vol. 2.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 26 мая 2015 г.

SOCIO-CULTURAL APPROACH: FEATURES OF MICROANALYSIS APPLICATION

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 48–55. DOI: 10.17223/15617793/397/9

Logunova Larisa Yu. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vinsky888@mail.ru

Keywords: socio-cultural approach; social and cultural analysis; microanalysis; sociocode; life scenarios.

In times of methodological crisis there is an opportunity to combine the methodological strengths of competing paradigms through a variety of multi-disciplinary structures of a hybrid nature. In keeping with the classical approaches in sociology there are attempts to design unconventional views on the understanding of the object and research strategies. The socio-cultural approach involves multiple angles of presentation of the research object (socio-cultural field), including the macro- and microanalysis processes and phenomena. In microsociology this approach is characterized by methodological breadth, is based on the principles of activity of the subject in the socio-cultural environment, the evolutionary nature of social change, historicism; it takes into account the modality pattern of socio-cultural action laws with the vector of development, regardless of the will of the subjects. The socio-cultural approach is based on an integrated structure. In the study, the integral as a methodological construct is key social processes (events, phenomena) which vary with changes in the socio-cultural field, including all spheres of life. The integral can be values, cultural codes, phenomena of everyday life which are built around the field of socio-cultural reality and form the structure of life. Microsociology, in turn, is based on the tradition of socio-cultural research projects using microanalysis techniques for interpretation, combining the unique and the typical in the life of the object. Microanalysis allows one to find the generalized sense in the studied events and access wide scientific generalizations. Qualitative methodology is the methodological arsenal for building microanalysis structures. The author examines the experience of theoretical development of the classics of sociology who formed the basis of the socio-cultural approach, as well as current ideas of contemporary humanists. Taking the tenet that human life is a complicated system, it is concluded that it is correct to study life from the standpoint of non-obviousness, subjectivity, methodological flexibility. Microsociological analysis allows interpreting the reality in terms of understanding the meanings based on human experience in the structure of everyday life. The article shows the methodological possibilities of social and cultural analysis in the projection of understanding semantic characteristics of “social culture”. The author examines examples of multi-level understanding of the subject, describes microanalysis and analytical capabilities in the field of macro; investigates the action mechanisms of life scenarios, methods of analysis of “ideal types” and the social code in the projection of senses and the macro value.

REFERENCES

1. Shanin, T. (c. 1998) *Metodologiya dvoynoy refleksivnosti v issledovaniyakh sovremennoy rossiyskoy derevni* [Double reflexivity in the research of a contemporary Russian village]. [Online]. Available from: <http://win.www.nir.ru/socio/scipubl/sj/34-shanin.htm>.
2. Logunova, L.Yu. (2014) Family-patrimonial social memory: temporal subsistence and social resources. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 379. pp. 69–75. (In Russian).
3. Omel'chenko, S.N. (2003) *Integral'nyy printsip analiza sotsial'nykh yavleniy: filosofskiy aspekt* [The integrated principle of social phenomena analysis: the philosophical aspect]. Philosophy Cand. Diss. Volgograd. [Online]. Available from: <http://www.dissercat.com/content/integralnyi-printsip-analiza-sotsialnykh-yavlenii-filosofskii-aspekt#ixzz2N9M3tyHG>.
4. Sorokin, P.A. (2006) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Moscow: Astrel'.
5. Akhiezer, A.S. (1997) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: Criticism of historical experience]. 2nd ed. V. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
6. Moss, M. (1996) Oчерk o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaiskikh obshchestvakh [Essay on the gift. The shape and the base of exchange in archaic societies]. In: Moss, M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Societies. Exchange. Personality]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.
7. Gurvitch, G. (1950) *La vocation actuelle de la sociologie* [The current vocation of sociology]. Paris: P.U.F.
8. Turner, B.S. (2003) *Blekvellovskiy putevoditel' po sotsial'noy teorii* [Blackwell Companion to Social Theory]. Translated from English by A.Yu. Rykun. Tomsk: Tomsk State University.

9. Huizinga, J. (2007) *Homo Ludens*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika.
10. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social frameworks of memory]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
11. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Translated from English by A.Yu. Sogomolov. Moscow: Politizdat.
12. Ionin, L.G. (1996) *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of Culture]. Moscow: LOGOS.
13. Reznik, Yu.M. (2008) Sotsiokul'turnyy podkhod kak metodologiya issledovaniy [A socio-cultural approach as a research methodology]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. II, 1 (2). pp. 306–328.
14. Williams, R. (1961) *The Long Revolution*. London: Chatto and Windus.
15. Williams, R. (1981) *Culture, Fontana New Sociology Series*. Glasgow: Collins.
16. Akhiezer, A.S. (1998) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of historical experience (social and cultural dynamics of Russia)]. V. 2. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
17. Williams, R. (1984) *Keywords*. V. 2. New York: Oxford University Press.

Received: 26 May 2015